

На службе в Вологодском губернском земстве (1902–1904)

Получив от Вологодской управы формальное приглашение прибыть в Вологду для личных переговоров, я выехал туда в марте 1902 г. Вологодский период деятельности (с марта 1902 по сентябрь 1904 г.) составил два с половиной года жизни. Мне тогда было 32–34 года.

Председатель Губернской земской управы В. А. Кудрявый, человек с высшим образованием, произвёл на меня сразу хорошее впечатление. Он внимательно выслушивал мои соображения и предположения о постановке и развитии деятельности губернского земства по объединению всей земской медицинской организации не путём распоряжений, а обслуживанием со стороны губернского земства общих запросов уездных земско-медицинских организаций, и, прежде всего, приведением в ясность и продвижением в жизнь постановлений последнего губернского съезда земских врачей; помощью отстающим уездам и временной помощью в борьбе с эпидемиями, когда сил местной участковой сети оказывается недостаточно; но, прежде всего, созданием при губернской управе такого органа (санитарного бюро или врачебно-санитарного отдела управы), который мог бы собирать из всех уездов, от всех врачей статистические материалы о характере заболеваемости, о причинах смертности и вообще о санитарном состоянии населения. При правильной разработке такого рода статистического материала губернное санитарное бюро сможет вооружать не только губернное земство, но и, прежде всего, непосредственных работников здравоохранения — участковых врачей и уездные медицинские организации точными показателями для сравнительной оценки санитарных условий, санитарного неблагополучия и эпидемиологического состояния своего участка, своего уезда по сравнению с другими участками и уездами и на основании такого сравнительного рассмотрения подходить к определению и постановке первоочередных задач по врачебно-санитарному делу. Мой план организации работы санитарного бюро встретил у В. А. Кудрявого полное одобрение. Он лишь указывал, что при этом нельзя забывать и задач, которые должны лежать на этом бюро, как на специальном отделе губернской управы, готовящем доклады, выносимые на рассмотрение губернского земского собрания и занимающемся устройством показательных или общегубернского значения лечебных учреждений. В первых переговорах моих в управе участвовал заведующий оценочно-статистическим бюро П. П. Румянцев¹. У нас оказались общие знакомые в Петербурге, и он пригласил меня временно остановиться у него.

В ближайшие дни я познакомился с рядом работавших в разных отделах губернской управы ссыльных. При их помощи подыскал себе квартиру и

¹ Румянцев (Шмидт) П. П. (1870–1925) — в социал-демократическом движении с 1890-х. В 1900–1904 состоял под надзором полиции в Вологде. После II съезда РСДРП большевик, делегат III съезда партии. В годы реакции отошёл от партийной работы, занимался статистикой. Участвовал в философских сборниках.

съездил в Новгород за семьёй. Квартира, снятая мною, оказалась неудобной и сырой, и мы окончательно поселились в большом деревянном доме с кухней в подвальном этаже, с тремя большими комнатами, верандой и палисадником, примыкавшим к дому с улицы. В этой сухой, здоровой, светлой квартире в доме старого купеческого строительства XVII–XVIII вв. мы прожили два с половиной года. Это был самый неомрачённый, полный напряжённой общественно-организационной и творческой работы период моей жизни.

Первым моим делом было налаживание санитарно-статистического бюро. Организационно оно являлось особым врачебно-санитарным отделом губернской управы, и ближайшей задачей его было обработать все оставшиеся после V губернского съезда земских врачей Вологодской губернии статистические материалы о земско-медицинской сети и об эпидемической и общей заболеваемости населения во всех уездах. Я обратился с письмом к каждому в отдельности участковому врачу с просьбой содействовать объединению врачебной сети и медико-санитарных учреждений всех уездов губернии в единую систему, обслуживающую общее дело — здоровье народа.

К письму были приложены бланки разработанной мною формы с отчётными данными о врачебной сети, её деятельности и распространении за отчётный месяц эпидемических заболеваний и просил ежемесячно присылать на этих бланках итоговые данные. Уже через месяц, сколько помню, откликнулись почти все земские участковые врачи. Мне удалось подготовить к выпуску первого номера врачебно-санитарного обзора Вологодской губернии обзор эпидемических заболеваний. В первые же месяцы я закончил редактирование и пополнение материалами недостающих сведений по нескольким уездам и выпустил в печатном виде «Труды V губернского съезда земских врачей Вологодской губернии».

Благодаря переписке у меня с самого начала сложились очень хорошие отношения, проникнутые взаимным доверием и уважением, со всеми земскими врачами уездов. Летом я объехал ряд уездов и лично познакомился со многими участковыми врачами. При этом я на месте подробно ознакомился в Великом Устюге с очень удачным опытом доктора Левицкого по ведению посемейно-поселковой записи в виде индивидуальной карты всех обращающихся в устюгскую больницу больных из города и уезда. За 15 лет эти карты составили бесценный материал для изучения местной заболеваемости и санитарного состояния населения.

Для получения разрешения на выпуск первого номера «Врачебно-санитарного обзора Вологодской губернии» мне пришлось лично побывать у вологодского губернатора Князева. В беседе со мною он очень хвалился тем, что в той сибирской губернии, которую он возглавлял прежде, он поддерживал самые лучшие отношения с политическими ссыльными. Не читая представленного мною сборника, он сделал разрешительную надпись, заметив: «Надеюсь, Вы меня не подведёте». Очень интересовался и расспрашивал меня о земских проектах улучшения санитарного и эпидемического положения губернии. Держал себя благожелательно, ни в малейшей мере не напоминая новгородского губернатора графа фон-Медема. Я об этом так

прямо и сказал ему, поддерживая разговор с ним в тоне совершенно неофициальном. Когда я уходил, он сообщил мне, что запрашивал Департамент полиции о возможности утвердить меня заведующим врачебно-санитарным бюро губернского земства и получил ответ, который мне тут же и показал. В нём директор Департамента полиции Зволянский кратко сообщал: «Допущение к работе в губернном земстве врача З. Г. Френкеля предоставляется на ответственность Вашего Превосходительства». «Ну, я не боясь взял это разрешение на свою ответственность», — закончил Князев.

Много раз пришлось мне заходить и после этого к Князеву за разрешительными надписями к выпуску последующих номеров «Врачебно-санитарного обзора Вологодской губернии». И всякий раз без всяких формальностей получал желательную резолюцию. Речи Князева при открытии губернских земских собраний в 1902–1903 гг. были деловиты, весьма благожелательны к передовым земским начинаниям и отличались особенно большим вниманием к вопросам здравоохранения и улучшения санитарных условий в губернии.

Совершенно необычно для губернатора было то, что он подчёркивал свой «демократизм». Осенью 1904 г., когда я приехал в Кострому и занял место заведующего врачебно-санитарным отделом Костромского губернского земства, однажды совершенно неожиданно он зашёл ко мне на квартиру (за несколько месяцев перед этим он был из Вологды переведён на должность губернатора в Кострому) и в тоне просто старого знакомого журил меня, что я не посетил его, а вот он, пожилой, меня навещает первым. Я с признательностью вспоминаю теперь благожелательное попустительство Князева, как губернатора, обязанного «тащить» и «не пущать», к прогрессивным земским начинаниям и лично ко мне. Но эти воспоминания омрачаются и перекрываются у меня более поздними тяжёлыми воспоминаниями о ноябре 1905 г., когда тот же костромской губернатор Князев стал попустителем черносотенного погрома и избиения полицией молодёжи, когда, разумеется не без согласования с ним был произведён у меня обыск и захват всяких земских бумаг. Вспоминаю также, что когда в 1906 г. колесо фортуны повернулось и я стал членом Государственной думы и однажды случайно лицом к лицу столкнулся с благодушно улыбающимся тогда уже генерал-губернатором Князевым, я не пожал его протянутой руки, а быстро прошёл мимо.

Первое же моё ознакомление с Вологодской губернией, с её огромными расстояниями от губернского центра до уездных земских организаций и медицинских учреждений, вызвало у меня желание иметь всегда перед глазами точную картину распределения всей медицинской сети по губернии. Пришлось преодолеть много трудностей, пока удалось составить удовлетворившую меня карту губернии с нанесёнными на неё всеми медицинскими учреждениями и с распределёнными по уездам и волостям всеми участковыми лечебницами, врачебными и фельдшерскими пунктами, а также с указанием фактически существующих в губернии путей сообщения — дорог и рек. При попытке определить, какую территорию занимает каждый из врачебных участков, следовало исключить сплошные, тянущиеся на многие десятки и даже сотни километров, лесные массивы и вообще пространства, не

имеющие ни одного населённого пункта. Врачебно-санитарной сетью нужно ведь обслуживать население, а не территорию саму по себе. Поэтому я выделил густой зелёной краской на карте пространства, совершенно лишённые населённых пунктов на протяжении более 30 км во всех направлениях. В таком виде карта и использовалась мною при всех последующих работах.

Губернский центр — город Вологда был более или менее тесно связан лишь с тремя-четырьмя уездами. Большинство же остальных уездов были настолько отдалены от центра, что ни о каком реальном их обслуживании такими учреждениями, как губернская больница, психиатрическая больница, больница для инфекционных больных и т. п., не могло быть и речи. В связи с этим уже в первый год моей работы в Вологодской губернии мне пришлось вплотную заняться очень сложным вопросом о губернской больнице, поставить вопрос об обязательности иметь отдельные больницы для города Вологды и для Вологодского уездного земства, а губернскому земству — взять на себя помощь всем уездам в развитии ими правильной сети лечебных учреждений, врачебных участков с собственными больницами и организовать межездные врачебные участки, подняв их оснащение на уровень показательных участковых лечебниц губернского земства.

Совершенно очевидной представлялась необходимость открытия в отдалённой части губернии — для Усть-Сысольского, Яренского и Сольвычегодского уездов, отстоявших от Вологды дальше, чем отстоял от неё Берлин или Стокгольм, особую психиатрическую больницу-колонию. Для обоснования этих предположений я начал систематически собирать необходимые материалы, стараясь одновременно привлечь к этим вопросам внимание всей врачебной организации. К концу моей работы в Вологодской губернии мною были подготовлены подробно разработанные доклады о межездных участках, а также по вопросу о децентрализации психиатрической помощи для VI губернского съезда врачей. В трудах VI съезда эти доклады и были затем напечатаны.

Все проводившиеся мною работы по установлению общей системы карточной регистрации заболеваний в губернии, по наблюдению и осуществлению мероприятий по борьбе с эпидемическими болезнями, по разработке материалов об умерших по группам приходов и волостей, нашли своё отражение не только в ежемесячных врачебно-санитарных обзорах и в моих докладах губернскому собранию и VI губернному съезду врачей, но также и в книге П. И. Куркина¹ «Санитарная земская статистика» (1903).

В 1903 г. Ярославское губернское земство устроило Выставку Северного края. Меня включили в экспертный совет по оценке организации земского санитарного дела в ряде земств, принявших участие в выставке своими экспонатами. Экспертный совет также составлял общий сравнительный очерк состояния земского врачебно-санитарного дела в губерниях Северного края. В наглядных больших красочных картах и диаграммах я попытался отобразить как санитарное состояние губернии и её отдельных уездов, так

¹ Куркин Пётр Иванович (1858–1934) — деятель санитарной статистики. С 1895 в течение 30 лет заведовал медико-статистическим отделом губернского санитарного бюро Московского земства.

и состояние и развитие сети земских медицинских учреждений. В Ярославле на выставке я много раз разъяснял содержание и смысл этих диаграмм. Это привлекало внимание посетителей. С этого началось моё знакомство с Ариадной Владимировной Тырковой¹, Дмитрием Ивановичем Шаховским и целым рядом земских работников и членов редакционного кружка газеты «Северный край».

Участвовать в экспертном совете Ярославское губернское земство пригласило М. С. Уварова и Ивана Андреевича Дмитриева из Петербурга и Ивана Васильевича Попова и Петра Ивановича Куркина из Москвы. В течение ряда дней мы совместно изучали и обсуждали представленные на выставку материалы и все имевшиеся в печати отчёты, доклады, сборники и издания, помогавшие дать оценку по объективным показателям (с учётом количества населения) положения земской медицины и санитарного дела во всех северных губерниях. Для меня напряжённая работа в этом экспертном совете под руководством П. И. Куркина и М. С. Уварова была настоящей школой. С тех пор у меня сложились самые тесные дружеские отношения с незабываемым Петром Ивановичем Куркиным, не прерывавшиеся до самой его смерти. Его обаятельный образ, всегда дышавший внутренней силой, цельностью, правдивостью и глубоким пониманием сложных общественных положений и задач, живёт и никогда не потускнеет в моём сознании.

Для работы в санитарно-статистическом бюро, которым я заведовал (я предпочитал именовать его врачебно-санитарным отделом) была привлечена мною Юлия Григорьевна Топоркова. Она оказалась очень ценным помощником при налаживании всего так называемого делопроизводства и установления необходимой дисциплины и распорядка деятельности отдела. Много внимания я уделял составлению библиотеки санитарно-статистических и земских медицинских изданий. О приобретаемых или присылаемых в обмен книгах, сборниках и трудах я лично делал небольшие заметки во «Врачебно-санитарном обозрении». Это облегчало участковым врачам обращаться в отдел с просьбами о высылке им соответствующих изданий. Всю переписку по этой части вела Юлия Григорьевна.

Большую организационную работу пришлось вести при налаживании всё расширявшейся деятельности врачебно-санитарного отдела. Нужно было обеспечить получение от каждого участкового врача текущих ежемесячных сведений о всех сторонах их работы в участках. Я разработал форму отчёта для отправки его на обычной почтовой открытке с несложной таблицей, заполняемой цифровыми данными. Мне кажется, в этой лаконичной «форме» впервые в земской практике удалось мне заменить всю сложную прежнюю переписку по собиранию сведений от врачей. Сопоставление и сведение воедино полученных цифр давали возможность еже-

¹ Тыркова (в замужестве Вильямс) Ариадна Владимировна (1869–1962) — журналистка, писательница. Участвовала в организации кадетской партии, член её ЦК с 1906 года. Гимназическая подруга Н. К. Крупской. После Февральской революции руководила кадетским бюро печати, член Петроградской городской думы. После разгрома армии Деникина выехала с мужем-англичанином в Англию. См.: Шелохаев В. В. Ариадна Владимировна Тыркова // Вопросы истории. 1999. № 11–12.

месячно освещать санитарное состояние губернии, распространение по участкам заразных заболеваний и оказание населению врачебной помощи — амбулаторной, поликлинической, стационарной и участковой. Письмо с просьбой доставлять аккуратно сведения и бланки открыток с таблицей на них были разосланы во все участки. Поуездная и общегубернская сводки печатались мною во «Врачебно-санитарном обзоре Вологодской губернии» в таком виде, что каждый врач не только видел все сведения по своему участку, но и привыкал сопоставлять объём и содержание своей работы с работой других врачебных участков и постоянно чувствовать себя живым звеном в общей врачебно-санитарной сети губернии.

Сводка получаемых сведений, рассылка бланков, заготовка огромного количества карточек для записи амбулаторных и коечных больных, работа по получению от многих сотен церковных приходов сведений о родившихся и умерших и т. д. требовали помощи хотя и немногочисленных, но сознательно интересующихся делом сотрудников. Юлия Григорьевна Топоркова оказалась именно таким помощником. Она в то время отбывала ссылку в Вологде. Я был знаком с нею ещё в Петербурге по её деятельности в Обществе помощи политическим заключённым и ссыльным, встречался с нею на собраниях у Александры Михайловны Калмыковой. Юлия Григорьевна отличалась исключительной выдержкой и организованностью во всякой работе, за которую она бралась. С большим интересом и пониманием относилась она ко всем сторонам деятельности отдела, когда мне удалось получить разрешение губернского начальства о допущении её к службе в качестве моего помощника по делопроизводству.

Летом 1903 г. ко мне в Вологду приехал один из петербургских знакомых — Леонтий Леонтьевич Бенуа¹, с которым я часто встречался у А. М. Калмыковой. Он сообщил, что для налаживания издания за границей печатного органа, рассчитанного на распространение в земских кругах, необходимо помочь Юлии Григорьевне выехать из вологодской ссылки в Штутгарт. Это удалось осуществить после отъезда Бенуа из Вологды. Тоненькая, худощавая Юлия Григорьевна перед отходом поезда зашла к нам. С помощью Любови Карповны она переделась в широкой юбкой и большим платком на плечах. С железнодорожным билетом и чемоданом в условленном вагоне её ожидал Д. И. Золотов. Перед отправкой поезда, как всегда, жандарм обошёл вагон за вагоном, внимательно всматриваясь в лица отъезжающих, специально проверяя, нет ли среди них поднадзорных ссыльных. Наряженная купчихой Юлия Григорьевна совершенно не вызвала его подозрений. Так благополучно добралась она до Петербурга, а там на парусной яхте Бенуа доставил её к проходившему шведскому пароходу. Из Стокгольма затем Юлия Григорьевна переехала в Штутгарт, где и оставалась до 1906 г. Розыски её в Вологде начались только через неделю после её отъезда, когда мы уже получили от неё открытку из Стокгольма.

Нелегко было заменить Юлию Григорьевну соответственным работником в нашем бюро... Успешнее других работал в качестве моего помощ-

¹ Сын архитектора Леонтия Николаевича Бенуа.

ника С. Ф. Галюн, приглашённый мною на должность эпидемического врача. Порученное ему обследование и описание Пальмской волости, куда он был отправлен по поводу распространения там тифозных заболеваний, он выполнил. Эту его работу я тщательно отредактировал. Она была напечатана в виде особого приложения к «Врачебно-санитарному обозрению Вологодской губернии».

Из местных вологодских врачей наиболее выдающимся и оригинальным был Авенир Алексеевич Снятков¹. Он был глубоким знатоком флоры, фауны и геологии Вологодской губернии. Свой летний отпуск из года в год он использовал для ботанических экскурсий в отдалённые уезды Вологодчины. Из них он систематически привозил пополнения для своих обширных коллекций, в особенности по части гербариев. Если я не ошибаюсь, он был членом-корреспондентом Академии наук. С большой готовностью Авенир Алексеевич откликнулся на мой почин приступить к организации Вологодского краеведческого музея. В 1903 г. был организован специальный совет Вологодского местного музея. В него кроме А. А. Сняtkова мне удалось привлечь управляющего государственным имуществом Суцесковского, Д. С. Богданова и нескольких земцев. За отсутствием помещения мы на первое время стали собирать экспонаты по геологии и палеонтологии, размещая их на площадках главной лестницы в губернской земской управе. Наше собрание очень скоро удалось пополнить ценнейшими палеонтологическими находками. В размывах и оползнях и при постройке земских дорог было найдено много бивней и зубов мамонтов, два крупных черепа ископаемого носорога. Благодаря Сняткову появились целые коллекции птиц. Среди них были крупные экземпляры арктической совы, филинов, совок и др. Особенно ценны были геологические материалы по межледниковому периоду. В подвальных помещениях губернской управы я разместил коллекции сельскохозяйственных экспонатов. Снопы сена, льна из Устюжского и Никольского уездов, хмеля из Тотемского уезда и пр., оставшиеся после сельскохозяйственной выставки, устроенной губернским земством.

Ценным пополнением зарождавшегося краеведческого музея стали образцы пород и геологических находок, собранные одним молодым геологом, отбывавшим в Вологде ссылку, — В. А. Русановым². Летом 1903 г. он получил разрешение отправиться в экспедицию в крайнюю северо-восточную часть Вологодской губернии, проплыл на лодке по протокам Печоры, обнаружил выходы нефти на реке Ухте. Привёз и передал для будущего музея собранные коллекции минералов, в том числе кварцевые обломки с включением золота, остатки и окаменелости ископаемых животных, бивни и зубы мамонта и другие ценные экспонаты. За неимением специальных помещений и музейного оборудования я разместил их пря-

¹ Снятков Авенир Алексеевич (1855–1920) — врач, ботаник, один из создателей краеведческого музея в Вологде.

² Русанов Владимир Александрович (1875–1913?) — русский полярный исследователь. В 1907–1911 совершил ряд экспедиций на Новую Землю, в 1912 руководил экспедицией на судне «Геркулес», пропавшей без вести. Следы её пребывания на островах в Карском море обнаружены в 1934.

мо на открытых полках на площадках главной лестницы. Для популяризации планов устройства местного музея я очень часто показывал и объяснял земским служащим и случайным посетителям пока ещё очень скудные, но интересные первые поступления. Это вызывало интерес, особенно у некоторых молодых любителей природы. И музей стал обогащаться коллекциями чучел птиц и кое-каких местных зверей (выхухоль, хорьки, лисицы), коллекциями насекомых (жуков, вредителей культурных растений) и особенно чудесными коллекциями бабочек, собранными учениками старших классов гимназии.

Наиболее ценным обретением музея, однако, были коллекции сортов льна, собранные из разных районов Вологодской губернии для сельскохозяйственной выставки. Вокруг работ и планов по развитию музея мало-помалу складывался круг активных сотрудников. На почве общего интереса к исследованию и познанию природы у меня сложились близкие отношения с рядом местных энтузиастов, среди которых, помимо уже упомянутых А. А. Сняtkова и Сущевского был также Николай Яковлевич Масленников.

Значительное место в моей вологодской жизни занимало моё участие в организации и непосредственном проведении летних педагогических курсов губернского земства для учителей сельских школ. Каждый год на средства, специально ассигнуемые для этого губернским земством, устраивались шестинедельные курсы. На них съезжались учительницы из всех уездов губернии. Душой курсов был приезжавший из Петербурга известный педагог Александр Петрович Нечаев¹. Он умел вызывать у учителей и учительниц большое желание к расширению знаний и педагогического кругозора. Я лично читал в качестве курса «школьная гигиена» общие основы физиологии и гигиены школьного возраста. К лекциям я готовился с большим увлечением, и это моё увлечение передавалось чуткой и восприимчивой аудитории молодых педагогов.

Самой крупной моей работой в вологодский период была подготовка VI губернского съезда земских врачей. Главной задачей при его подготовке было составление в каждом уезде коллективного, проверенного и всесторонне обсуждённого делегатского доклада о состоянии, нуждах и планах дальнейшего развёртывания всего земско-медицинского и санитарного дела в уезде. Я разработал программу и форму табличных сведений о всех сторонах медицинского и санитарного дела по каждому врачебному участку за каждый год.

Сам я лично на основании статистических и отчётных врачебно-санитарных данных за 1902–1904 гг. составил полный общий очерк состояния медицинского обслуживания населения и развития земского врачебно-санитарного дела в целом по губернии. Особый доклад я подготовил по губернской больнице и по участию губернского земства в развитии участковой сети путём организации межуездных участковых больниц и специальных пособий маломощным уездным земствам на создание участковых

¹ Нечаев Александр Петрович (1870–1948) — основатель первой в России Лаборатории экспериментальной педагогической психологии. Профессор, автор ряда работ по детской психологии.

лечебниц. К съезду мною был разработан также доклад о децентрализации в губернии психиатрической помощи путём устройства психиатрической больницы-колонии в восточной части губернии, а при уездных земских больницах специальных психиатрических отделений для острых нервно-психических заболеваний.

Состоявшийся в августе 1904 г. съезд протекал в условиях исключительно активного интереса к дальнейшему развитию земско-медицинского и санитарного дела со стороны как делегатов из уездов, так и всех других участников, в том числе многочисленных земских деятелей (председателей и членов управ и гласных). Незадолго перед открытием съезда умерли Е. А. Осипов¹ и А. П. Чехов. Я посвятил свою первую речь на съезде их памяти. В ней я попытался обрисовать их значение для развития русской культуры и их заслуги в создании общественного и морального типа русских врачей.

К концу съезда окончательно созрело моё решение перейти на работу в Костромское губернское земство для организации и заведования губернской санитарной организацией. Но я совершенно ясно отдавал себе отчёт, что лучших, более благоприятных условий для успешной общественной земско-медицинской деятельности, чем были у меня в Вологде, ожидать было нельзя. Атмосфера товарищеского взаимного уважения и поддержки всех намечаемых мною мер со стороны всех участковых врачей вносила бодрую уверенность и вызывала творческий подъём в работе.

Прощаясь после съезда с его участниками — делегатами четырнадцати уездов, я высказал, как глубоко ценю я сложившуюся в работе обстановку и в то же время указал, что не считаю себя вправе уклониться от предложенной мне в Костроме более трудной и более широкой задачи создания губернской санитарной организации.

Совсем необычным с точки зрения отношений со стороны влиятельных представителей тогдашнего земства в других губерниях к «третьему элементу», т. е. к земским служащим — врачам, статистикам, агрономам, учителям было участие в прощальном товарищеском вечере, устроенном земскими врачами по случаю моего предстоящего отъезда в Кострому, ряда влиятельных земских гласных. Один из них, председатель Грязовецкой управы В. Н. Брянчанинов, по просьбе собравшихся был даже председателем на этом вечере. Он открыл общую беседу обзором моей работы и отметил, что губернское земское санитарное бюро благодаря моему интересу и любви к медицинскому делу, моему уважению и товарищескому отношению к участковым врачам, смогло объединить разрозненные медицинские учреждения всех уездов обширной губернии в тесно связанную, воодушевленную преданностью земскому врачебно-санитарному делу единую организацию. Он закончил чрезмерно хвалебным выражением уверенности в том, что и в Костроме отнесутся к моей работе с таким же пониманием и признанием, как в Вологде, и что от Костромы по всей великой реке Волге

¹ Осипов Е. А. (?–1904) — земский санитарный врач, гигиенист, один из создателей русской школы изучения физических состояний и заболеваемости на основе санитарно-статистических методов исследования и демографических данных.

пойдёт намечавшийся тогда, в 1904 г., подъём земского и широкого общественного движения.

А. Н. Брянчанинов представлял собою оригинальную фигуру в дворянской среде. Человек необычайно большого, прямо монументального роста, он обладал незаурядным ораторским даром, с увлечением отдавался чтению русских писателей, отказался от открывавшейся перед ним карьеры губернатора. Говорили, что он одно время был пострижен в монахи и чуть было не сделался архиереем, но потом круто изменил курс своей жизни, вернулся к себе в усадьбу, отдался земской культурной работе и сделался председателем Грязовецкой уездной управы, и готов был примкнуть к демократическому движению, начавшему в то время проникать в некоторые земские круги Вологодской губернии. Последнее могло быть связано со всё более увеличивавшимся числом политических ссыльных, среди которых были А. В. Луначарский¹, А. А. Богданов (Малиновский)², доктор В. Д. Ченькаев из Саратовской губернии, В. А. Кистяковский³ и многие другие. С обществом политических ссыльных в постоянном общении находились влиятельные земские деятели, например, председатель губернской управы В. А. Кудрявый, губернские гласные Масленников, Лавров и другие. Они бывали на вечерах, где выступали с докладами и рефератами находившиеся в ссылке литературные работники. Среди последних был и такой нововременский писатель, как А. В. Амфитеатров⁴, очутившийся в Вологде за свой фельетон «Господа Обмановы», под которыми он изобразил дом Романовых. В Вологде Амфитеатров бывал со своей женой у нас, мы с Любовью Карповной были у него с ответным визитом. Гораздо более интересным было для меня знакомство с А. А. Богдановым (Малиновским). Во время своей вологодской ссылки Богданов начал работать врачом в Кувшиновской больнице-колонии для душевнобольных и вследствие вакантности места директора фактически исполнял его обязанности. Глубоко вдумчивый, всегда ровный, привлекавший к себе своей исключительной скромностью, Александр Александрович встретился в психиатрической больнице со многими из тех проблем, которые так глубоко волновали меня в Колмове.

В качестве отдыха от своих социально-экономических работ и от обязанностей врача-психиатра Богданов любил заниматься астрономией и имел даже у себя телескоп. Вместе с Любовью Карповной мы бывали у ведущего очень уединённую жизнь в Кувшинове А. А. Богданова. Но ещё более близкими были наши отношения с Владимиром Дмитриевичем Ченькаевым, который жил в ссылке вместе со своей свояченицей. Нас обоих

¹ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — первый советский нарком просвещения, писатель, философ, академик АН СССР.

² Богданов (Малиновский) Александр Александрович (1873–1928) — революционер, врач, экономист, философ. В 1898–1909 — большевик, затем — отзовист. С 1926 — организатор и директор Института переливания крови, погиб, производя на себе опыт.

³ Кистяковский Владимир Александрович (1865–1952) — физико-химик, академик АН СССР.

⁴ Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938) — писатель, фельетонист. После 1920 — эмигрант.

интересовало развитие земско-медицинского дела, изучение заболеваемости, вопрос о введении карточной регистрации первичных обращений за врачебной помощью, постановка работы санитарно-статистического бюро, налаживание деятельности санитарных советов и пр. Ченькаевы часто бывали у нас. В марте 1903 г. Владимир Дмитриевич оказал акушерскую помощь при рождении моей младшей дочери Валентины¹.

Почти десять лет спустя, в 1912 г., во время заграничной поездки я навещал жившего в то время в Париже В. Д. Ченькаева. Он по-прежнему живо откликался на все течения и события русской общественной жизни. Как практический врач с большим опытом, Владимир Дмитриевич имел практику в одном из периферийных районов Парижа и, конечно, тосковал по земской врачебной деятельности, но перспективы на скорую возможность вернуться на родину он в то время ещё перед собой не видел.

В Вологде в 1904 г. был в ссылке Степан Иванович Радченко², которого я хорошо знал в Петербурге по его работе в рабочих кружках. В Вологде он был нашим близким другом. Мы с Любовью Карповной поддерживали постоянное общение с несколькими ссыльными, работавшими в губернском земстве в отделе статистики: Саммером³, который после Октябрьской революции был председателем Губисполкома; Дреллингом, Марией Дидрикуль и со многими другими.

Деятельность и жизнь в Костроме (1904–1909)

После VI Вологодского съезда земских врачей я стремился ускорить редактирование и печатание его трудов и подготовку всего необходимого для осуществления решений съезда по организации изучения движения населения (общей и детской смертности, рождаемости, брачности) по волостным районам, т. е. по группам приходов, приблизительно совпадающим с волостями, и других. Только после издания всех трёх томов трудов VI съезда я считал возможным переехать из Вологды в Кострому. Посещение Костромы для окончательных переговоров с губернской управой вызвало у меня восхищение самим городом, его живописным расположением на склонах и верхней террасе волжского берега, открывавшимися из города замечательными видами на заволжские дали.

В губернской управе не чувствовалось особого интереса к предстоящему развёртыванию работы. Её председателем оставался более чем вось-

¹ Валентина Захаровна родилась 21 марта по ст. стилю (2 апреля — по новому).

² Радченко Степан Иванович (1869–1911) — участник революционного движения, инженер. Один из организаторов и руководителей Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, член ЦК РСДРП. С 1906 от партийной работы отошёл.

³ Саммер Иван Адамович (1870–1921) — член РСДРП с 1897. В революцию 1905–1907 секретарь Русского бюро ЦК, один из руководителей вооруженного восстания в Казани.